

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Suhrkamp Verlag, 1990. S. 225–274 (Kapitel V. Sozialer Strukturwandel der Öffentlichkeit). Пер. с нем. Т. Тягуновой в этом издании.

Li E.P., Liu Y., Lok N.Ch., Lee V.W. Successful Experience of People with Down Syndrome. Hong Kong: Journal of Intellectual Disabilities, 2006 // <http://jid.sagepub.com/content/10/2/143> (дата обращения: 30.10.2013).

McRuer R. Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability. New York and London: New York University Press, 2006.

Oliver M., Sapey B. Thomas P. Social Work with Disabled People. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.

Quinn N., Shulman A., Knifton L., Byrne P. The Impact of a National Mental Health arts and Film Festival on Stigma and Recovery // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2011. P. 1–11.

Splichal S. Public Opinion. Developments and Controversies in the Twentieth Century. New York: Rowman & Littlefield, 1999.

Tremain Sh. Foucault, Governmentality and Critical Disability Theory: An Introduction // Thremain Sh. (ed.) Foucault and the Government of Disability. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2005.

Wilkinson P., McGill P. Representation of People with Intellectual Disabilities in a British Newspaper in 1983 and 2001 // Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities. 2009. Vol. 22. № 1. P. 65–76.

Видимость репрезентаций предметной среды в коммуникативном процессе: аналитические следствия смещения угла зрения

Наталья Иконникова

В данной главе анализируется понимание места видимых и овеществленных символических репрезентаций в социологическом анализе коммуникаций публичной сферы, а также некоторые следствия смещения предмета исследования к предметам и ландшафтам в контексте реализации их масштабных реконструкций.

Видимая предметная среда конструируется как результат преднамеренных и непреднамеренных действий различных агентов: как органов власти и бизнес-структур, так и местного сообщества. Предметную (или вещную) среду можно определить как комплекс взаимосвязанных «вещей», т.е. материальных объектов, имеющих сложнointегрированные свойства утилитарных (функционально полезных) предметов, товаров и благ, символически упорядоченных и составляющих условие социальных действий индивидов и сообществ. Местное сообщество, действуя координированно и декларируя общие интересы, соотнося их с декларируемы-

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУВШЭ» в 2012 г., грант № 12-05-0012.

ми общенациональными целями и ценностями (принимая эти ценности и цели или ставя под сомнение), выступает как публичный агент. Это наглядно показывают процессы, происходившие и происходящие в Сочи, Казани, т.е. в процессе подготовки и проведения «мегасобытий»¹. Ввиду масштабности и национальной значимости таких проектов, дискуссии и противостояния приобретают заметность и остроту. Олимпийские игры стали одним из наиболее очевидных (visible) ритуалов, разыгрываемых в мировой политике [Boli, Thomas, 1997. P. 183]. Игры последних десятилетий все более отличаются «гигантизмом», они идеологизированы, утратили человекосоразмерный масштаб [Olympic cities... 2011. P. 405]. Именно поэтому они описываются в терминах мегапроектов и мегасобытий. Реализация решений по проектированию объектов, изъятию земель, организации строительства и дальнейшей эксплуатации, особенности социального контроля в момент проведения международных событий отражают управленческие, политические и экономические усилия агентов, наделенных властью решать и действовать. Однако эти решения и действия «приобретают характер объективности» [Бергер, Лукман, 1995. С. 101] лишь в осознанных и спонтанных компромиссах с местными жителями, поскольку строительство олимпийских объектов осуществляется не на «голом» месте, а внедряется в обжитую среду поселения со сложившимися хозяйственными практиками, представлениями о должном образе жизни, социальными ритуалами.

Реакции местного сообщества в форме адаптации или сопротивления властным решениям, кроме небольшого числа открытых конфликтов, остаются вне публичного дискурса. Р. Гиблетт высказал идею, что среда жизнедеятельности коренных сообществ может быть, в сущности, не дискурсивной и не конструкционистской [Giblett, 2011. P. 219]. Поэтому средством объективации представителями местного сообщества собственных реакций-интерпретаций в ответ на реализуемые мегапроекты является не дискурс, не полемика в СМИ или альтернативных медиаресурсах, а материальная среда домохозяйств и районов поселения. Тем не менее все вовлеченные стороны отдают себе отчет (это отражает-

¹ В статье используются материалы проекта, проводимого в Адлере под руководством автора: «Социальные смыслы вещной среды олимпийских объектов: теоретический и визуальный анализ» (2010–2011); «Диффузия вещной среды олимпийских объектов в ландшафте местного сообщества: последствия для экосистемы и социальной организации (визуальный анализ)» (2012–2014) (РФФИ) [см. также: Исследовательский проект...; Иконникова, Лазебная, 2011].

ся в артикулируемых ими текстах, официальных интервью и интервью жителей) в том, что ставками в этом материальном конструировании являются значимые для них ценности. В ходе реализации олимпийских проектов города реконфигурируют не только институциональные, физические, организационные порядки (включая спортивные объекты, транспортную инфраструктуру, жилой фонд, муниципальные отношения), но и символический порядок и традиции, что призвано создавать облик и ощущение Игр [Glynn, 2008. P. 1118]. Перекрасить забор или отказаться его перекрашивать означает принять или не принять идеологию создания «зоны международного гостеприимства» (в «Большом Сочи» и в том числе в Адлере как одном из его районов, выделены зоны, которые отличаются как требованиями к реконструкции жилых домов (в том числе частных) и улиц, так и режимом доступа жителей региона и гостей в период проведения Игр) [Олимпиаду в Сочи защитят...], принять или не принять идею важности проведения именно в этом месте Олимпийских игр. Таким образом, анализируя трансформации предметной среды, мы имеем дело с репрезентациями тех или иных символических значений. Рассмотреть именно этот вид публичного дискурса представляется важным особенно потому, что открытая дискуссия практически не имеет места.

Критика функционирования публичной сферы с позиций теории репрезентаций

В социологической традиции публичная сфера связана, во-первых, с анализом публичных действий, осуществляемых обычными людьми в повседневных или не совсем повседневных ситуациях (столкновения, массовые акции). Публичным действиям приписывался конструктивный смысл, в отличие от деструктивного характера действий толпы. Именно этот аспект публичности анализировал Р. Парк [Park, 1972] и учитывать данный подход важно в контексте нашего анализа публичных реакций местного сообщества.

Во-вторых, публичная сфера рассматривается как институализированное пространство дискуссий, средой которого являются современные СМИ и демократические политические институты. При этом производятся репрезентации как в форме текстов, так и в иных формах – образов, жестов, вещей (материальных объектов). Ю. Хабермас рассматривает репрезентации так же, как формируемую экономическими и политическими интересами комму-

никативную стратегию, связанную с трансформациями каналов представления частных и публичных интересов, а также с переосмыслением их ценностной и рациональной аргументации. Целью коммуникативной деятельности, в первую очередь специализированной, как, например, связи с общественностью, становится «правдоподобная репрезентация и демонстрация частного интереса ассоциации в качестве всеобщего» [Habermas, 1990. S. 297, цит. по: Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы – в данном издании]. Возможности реализовать свою коммуникативную стратегию зависят от места агента в социальном пространстве, публичная сфера включена в среду перераспределения власти, влияния, экономических и символических капиталов. Как было отмечено выше, в частном случае жителей города Адлера это прямо обуславливает возможность вступить в дискуссию по поводу реализуемых проектов и артикулировать свои интересы.

Для Ю. Хабермаса важно, что это ведет к распространению различных манипулятивных стратегий, основанных на «компетентности высокоспециализированных профессионалов»: «Публичность утрачивает свою критическую функцию в пользу демонстративной; даже аргументы превращаются в символы, на которые опять же отвечают не аргументацией, а не более как идентификацией» [Habermas, 1990. S. 307, цит. по: Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы – в данном издании]. Вместо коммуникаций общественности по поводу гражданских интересов все чаще наблюдается «инсценирование политической публичной сферы». Наглядным примером реализации таких стратегий мы считаем официальные материалы организаторов Олимпийских игр в Сочи. Несмотря на обилие размещаемой информации, она представляет исключительно приписываемые событию доминантные значения, не отражая возражения, сопротивление, протесты, да и в целом «неорганизованное» участие местного сообщества (разница особенно заметна при сравнении сайтов Олимпиад в Сочи [Официальный сайт Олимпийских зимних игр...] и в Лондоне [London 2012...]). Аудитория, которая начала следить за эстафетой олимпийского огня в России, сразу обратила внимание на организацию мероприятий в части дистанцирования публички, отсутствия ее включенности [Церемония приветствия...]. На наш взгляд, этот сдвиг в сторону все большей преднамеренности, прагматичности характерен для всех видов коммуникаций в современном обществе – и политических, и организационных, и даже межличностных. Однако при этом допускается, что субъекты

коммуникации взаимно признают, что коммуникативные действия должны оцениваться в категориях эффективности, демонстрировать имеющиеся у этих субъектов специальные навыки общения (которым необходимо учиться) и заранее продуманную стратегию. Вряд ли это всегда так. Даже субъекты коммуникации, реализующие манипулятивные стратегии, зачастую демонстрируют значительную степень отстраненности и вполне осознанного лицемерия. Лицемерие выступает как воспроизводимая требованиями различных социальных институтов и вполне очевидная для участников взаимодействий «драматургия», базовое «правило игры». Из этого следует, что необходим критический подход к анализу репрезентаций, транслируемых в публичной сфере. Мы обратимся к работам С. Холла и других сторонников критического конструктивистского подхода к репрезентациям. Репрезентации в этом подходе понимаются не просто как относительно нейтральное использование языка (знаковой системы) в речи или тексте (в широком смысле слова, включая предметную среду) для приписывания значения (meaning) группам и их социальным практикам, событиям или условиям и объектам социальной и природной среды [Fairclough, 1989; 1995], а как средство или канал, который позволяет участвовать в борьбе за власть, т.е. придавать вещам смысл и приписывать значение (signify). Репрезентация обеспечивает и производство, и материализацию (реификацию) значений, опираясь на язык и систему производства знаний [Hall, 1997. P. 19]. В контексте работ Холла при этом неизменно ставится вопрос: «кому выгодны» производимые репрезентации, кто выигрывает от приписывания именно таких значений. Согласно теории репрезентации, городской или природный ландшафт становится видимым в смысле имеющим социальную значимость лишь постольку, поскольку он описан в некотором дискурсе и эстетизирован. «[П]рирода открывается лишь сквозь решетку наименований, и она, которая без таких имен оставалась бы немой и незримой, сверкает вдали за ними, непрерывно предстает по ту сторону этой сетки, которая, однако, открывает ее знанию и делает ее зримой лишь в ее сквозной пронизанности языком», – отмечал М. Фуко [Фуко, 1994. С. 190]. При этом «[э]стетика в ее современном значении не имеет больше ничего общего с категориями прекрасного и безобразного», отсылая к стоимости/знаку [Бодрийяр, 2003. С. 210]. Таким образом, может иметь место столкновение дискурсивных практик создания видимой среды города (подобных сочинскому олимпийскому мегапроекту, где презентация в виртуальном пространстве неизменно опережает и отчасти сублимирует материальное воплощение) и вне-

дискурсивных повседневных практик местных домохозяйств, реакции которых, оказывается, можно игнорировать. Они вещественны, но невидимы как значимые с позиций доминантной эстетики и фразеологии и при этом не реализуются в дискурсе, т.е. не претендуют явным образом на производство новых значений.

Политика репрезентаций и режим видимости – ставки в социальной игре

Трактовка предметной среды как политики репрезентаций возвращает нас к политэкономической риторике Ж. Бодрийера и его стремлению анализировать вещи как знаки и знаки как вещи, имеющие ценность не только как свидетельство духовных достижений, но и как экономические блага. Смыслы социальных позиций, действий, присваиваемые социальными агентами и составляющие их социальное существование, должны быть, с одной стороны, символически коммуницируемы, а с другой – материализованы, зримы (что во многих случаях предпочтительнее использования иных – тактильных, звуковых – проводников, поскольку это позволяет вступать в символическое взаимодействие дистантно).

Ю. Хабермас также подчеркивал политэкономический аспект коммуникаций трансформирующейся публичной сферы. Ссылаясь на Р. Арона, он пишет о политизации и идеологизации социальных практик, которые прежде можно было рассматривать как вне- и неполитические: «устанавливается идеология в форме так называемой культуры потребления, выполняющая, на более глубоком уровне сознания, свои старые функции, а именно принуждение к согласию с существующими обстоятельствами» [Habermas, 1990. S. 319, цит. по: Хабермас Ю. Трансформация политической функции публичной сферы – в данном издании]. Повседневные практики домохозяйств и их ресурсы вовлекаются в рыночную экономику и политический дискурс, становясь ставками в борьбе за городской ландшафт и видимую среду города. Поскольку члены местного сообщества включаются в эту борьбу и адаптируются к предлагаемым правилам социальной игры, постольку они приписывают различные значения достигаемым ими результатам. Сторонний наблюдатель фиксирует рост социального неравенства в сообществе, однако сами члены сообщества могут интерпретировать ситуацию совершенно различными способами, и они говорят, оценивая происходящее, именно, на наш взгляд, в терминах различий в присваивании значений происходящим трансформациям среды города:

Ну вот мой товарищ переселялся. Сказал, если его дом тронет – с ружьем выйдет. Ему заплатили, дали дом двухэтажный... И что, спрашиваю, ты с ружьем не вышел? Он говорит, так меня же условия устроили, если бы нет, то вышел. Он доволен. Но понимает, что все это преступление. Но не переживает, он умнее меня... Ни одного сквера, ни одного парка не заложили. Все выпиливается... Если бы вместо листьев на деревьях росли доллары, Сочи был бы какой зеленый. Имеритинка раньше: 500 метров от трассы – и тишина. Как в высокогорье. Тебя слышно на 50 метров. Такая тишина. И птицы, уточки. Птиц было видимо-невидимо. До 3 тысяч на квадратный километр. Редчайшие птицы... А им плевать на это на все. Это нелюди. То, что происходит – это оккупация побережья. Ради чего? (муж., 72 года, житель пос. Веселое, Адлерский район, г. Сочи).

В данном фрагменте интервью описывается два способа видеть изменения ландшафта. Считаем ли мы неизбежной (по крайней мере, легально) заболоченную местность, не имеющую официального статуса охраняемой природной территории, значимой именно в силу ее еще не испорченности «цивилизацией» и коммодификацией? Или же она имеет значение как ресурс для освоения, эстетизации, извлечения прибыли? Следует ли прививать жителям представляющееся организаторам Игр и местным властям более современным и эстетически совершенным видение пространства и способы его использования, причем волевым властным решением в рамках реализуемого в относительно краткие сроки проекта? Думается, однако, дело не столько в навязываемой эстетике или сроках и даже не в заведомо принятой посылке, что образ жизни и склад домохозяйств жителей не имеет ценности (что отражается и в способах их экономической оценки), а в исключении местного сообщества из процесса принятия решений и нарушении сложившегося социального контракта. Участки под коммерческую или жилую застройку могут продаваться с явным контрактом, предписывающим соблюдение общего проекта района – в этом случае покупатель волен решать, нравится ли ему этот проект и предложенный дизайн. Однако в Адлере мы имеем дело с иной ситуацией.

В. Сакс утверждает, что само понятие ландшафта – это категория социального видения и восприятия, опосредованного системой приписанных значений [Sachs, 1992. P. 154]. Среда поселения превращается в ландшафт, когда в соответствии с принятой эстетикой проектируются и перестраиваются не только многоквартирные до-

ма и частные коттеджи, но и дворовые постройки, а аллеи организуют пространство в «парк» [Barrell, 1972. P. 23]. Представляется, что для анализа ситуации в Адлере можно использовать понятие «режим видения». То, «как мы видим, как мы способны видеть, как нам позволено видеть, как нас заставляют видеть и как мы переживаем (see) видимое и невидимое в этом отношении» [Foster, 1988. P. ix], обусловлено возможностью агентов формировать этот режим властными ресурсами. Отметим, что в случае олимпийскихстроек формирование их видимого образа в логике «нарисуем – будем жить» значительно опережало их материальную реализацию (что, наверное, нормально для традиционного архитектурного дискурса), но при этом, как показал ход строительства, не опиралось ни на анализ социокультурных характеристик пространства, в котором они реализовывались, ни на правдоподобные экономические расчеты [Стоимость Олимпиады в Сочи...]. Использование понятия «режим видения» позволяет подчеркнуть то, что мы видим и как мы видим, является социальной, идеологической или утопической конструкцией.

Размышляя о соотношении видимых трансформаций повседневной среды и необходимости учитывать не только все более ускользающую «вещественность» среды, но и репрезентации вещей, в том числе как обязательно политически ангажированные, исследователи предлагают смещать фокус анализа так, чтобы именно видимая знаковая среда выступала предметом исследования. Пол Вирилио предложил термин не «зеленой», а «серой экологии», что означает невозможность разделить природу и искусственную среду и требование рассматривать экологические проблемы в контексте процессов урбанизации, традиций, культурных артефактов. Это экология «архипелагов городов», интеллектуально насыщенных и взаимосвязанных не только транспортной сетью и торговлей, но и сетями телекоммуникаций, мобильной связи, «всемирной паутиной» [Virilio, 2009]. Р. Гиблетт предлагает понятия «политическая экология» (описывающая активность политической и экономической элиты) и «партиципаторная политическая экология». Последнее понятие вводится для анализа активности местных сообществ, публичной сферы по отношению к окружающей среде, природозащитным проектам, осуществляемым в освоенных и трансформированных ландшафтах. Гиблетт описывает партиципаторную экологию как способ деконструкции и деколонизации иерархического порядка, противопоставляющего полис ойкосу, мускулинную сферу политических и экономических действий – феминной частной сфере и биосфере, а также как способ критически переосмыслить значения,

придаваемые местными (особенно коренными и колонизируемыми) сообществами их культурному и природному наследию [Giblett, 2011. P. 17, 50–52]. Он использует это понятие для анализа западного модернистского дискурса о природе и колонизации природной среды Австралии. Он подчеркивает, что колонизируемое пространство понималось как «дикое» и «пустое», что позволяло игнорировать сообщества австралийских аборигенов и их экологию. Создание поселений европейского типа, «парков для джентльменов», а затем «национальных парков», освоение буша и пустыни как экономических ресурсов воплощало видение ландшафта новыми поселенцами. Его работу можно рассматривать как анализ крайнего случая, когда понятие колонизации не является метафорой отношения. Тем не менее контекст его исследования показывает некоторые общие тенденции конструирования среды как видимого ландшафта. Как отмечает Г. Орлова, «[о]пора власти на визуальные средства и конструирование новых оптических режимов» можно оценивать как «значимые технологические и дискурсивные ресурсы, востребованные в ситуации перехода ... к переживанию реальности воплощенной мечты» [Орлова, 2009. С. 61]. Именно как воплощенную мечту представляют Олимпийские игры в Сочи организаторы: «Почти 50 лет назад наш соотечественник уже сделал то, что до этого считалось невозможным. И наша страна „шагнула в космос“. И весь мир облетели слова Юрия Гагарина: „Поехали!“» [О бренде...].

Значение партиципаторного подхода к реализации и оценке эффектов олимпийских проектов изучалось преимущественно путем описания успешных проектов вовлечения местных сообществ, местного бизнеса и общественных организаций. М. Глинт проанализировала дискурс, связанный с проведением Олимпийских игр в 17 городах между 1972 и 2006 гг., и выявила, что в подавляющем большинстве случаев он был сфокусирован на «улучшении принимающих городов» как в плане развития их материальной инфраструктуры, так и в плане улучшения их образа, репутации, привлекательности [Glynn, 2008. P. 1126]. Она утверждает, что вовлечение эндогенных источников является ресурсом как экономической успешности Олимпийских игр, так и их символического капитала, при этом участие сообщества должно быть «активно требовательным» [Glynn, 2008. P. 1138]. Нельзя отрицать наличие и активность местного предпринимательства в сочинском регионе, как и многих других регионах России – для этого достаточно прийти на рынок или увидеть количество торговых точек, размещенных на первых этажах домов, разнообразных киосков и лотков. Однако они невидимы для экономической и налоговой статистики или, например,

кредитных организаций (таков их выбор в сложившихся условиях) и, следовательно, учет их активности в рамках легального, официального проекта проблематичен.

***

Открытые действия, жесты, предметы представляют социальные позиции и идентичности в наглядной форме «факта», естественно скрывая латентные смыслы, но отнюдь не в большей мере, чем слова. Теоретические дискуссии о статусе видимых объектов в исследовательских практиках отражают различные оценки роли многообразных акторов и условий, вовлеченных в производство и восприятие видимого. Критический подход к конструированию видимой материальной среды учитывает роль создающих ее агентов, социальные практики и эффекты, порождаемые материальной средой, а также вовлекает в анализ присвоение среды различными участниками коммуникации, независимо от (или вопреки) нормативного режима видения. Как политика смещается в сторону управления режимом видения, так и реакции на эту политику приобретают вид визуальных контрдействий, в которые вовлечены привычные материальные объекты, зримый порядок вещей, декор домов и улиц, вид людей на улицах.

Формирование задаваемого олимпийским проектом режима видения предполагает мобилизацию значительных материальных ресурсов и существенно меняет экологию пространства, создавая новый ландшафт и приписывая ему новые значения. Местные жители, как следствие, разделяются на тех, кто имел необходимые для вовлечения ресурсы и имеет шанс увеличить свой социальный капитал, и тех, кто таких ресурсов не имел и испытывает нисходящую социальную мобильность. Предполагаемый режим видения территории проведения Олимпийских игр в значительной мере ориентирован на создание привлекательного «фасада», не имея экономических и управленческих ресурсов для создания партисипаторных проектов, которые могли бы способствовать приемлемым для местных жителей и традиционных отбывающих изменениям внутренней структуры города и отдельных домовладений.

Список источников

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Академия-Центр: Медиум, 1995.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.

Иконникова Н.К., Лазебная К.П. Олимпийские стройки: модель пространства социокультурных эффектов в вещной среде // *Личность. Культура. Общество*. 2011. № 4. С. 259–266.

Исследовательский проект «Социальные смыслы вещной среды олимпийских объектов: теоретический и визуальный анализ» // <http://soc.hse.ru/gsoc/olimpobjects>.

О бренде // [Sochi2014.ru](http://www.sochi2014.ru) // <http://www.sochi2014.com/games/strategy/brand>.

Олимпиаду в Сочи защитят стокилометровым барьером // *Известия*. 17.09.2012 // <http://izvestia.ru/news/535251>

Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2009.

Официальный сайт Олимпийских зимних игр и Паралимпийских зимних игр в Сочи 2014 // <http://www.sochi2014.com>

Стоимость Олимпиады в Сочи перевалила за 1,5 трлн руб. // РБК. 04.02.2013 // <http://top.rbc.ru/economics/04/02/2013/843458.shtml>

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.

Церемония приветствия олимпийского огня // <http://std3.ru/78/c5/1381247077-78c5e5f91aca3eeeee085779223f49799.jpg>.

Barrell J. *The Idea of Landscape and the Sense of Place 1730–1840: An Approach to the Poetry of John Clare*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Boli J., Thomas, G.M. *World Culture in the World Polity: a Century of International Non- Governmental Organization* // *American Sociological Review*. 1997. N 62. P. 171–190.

Fairclough N. *Language and Power*. London: Longman Group, 1989.

Fairclough N. *Media Discourse*. London: Arnold, 1995.

Foster H. Preface // Foster H. (ed.). *Vision and Visuality*. Seattle: Bay Press, 1988.

Giblett R. *People and places of nature and culture*. Bristol: Intellect, 2011.

Glynn M. *Configuring the Field of Play: How Hosting the Olympic Games Impacts Civic Community* // *Journal of Management Studies*. 2008. Vol. 45. N 6. P. 1117–1145.

Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft*. Suhrkamp Verlag, 1990. S. 275–342 (Kapitel VI. Politischer Funktionswandel der Öffentlichkeit).

Hall S. (ed.) *Cultural Representations and Signifying Practices*. London: Open University Press, 1997.

London 2012 Summer Olympics // <http://www.olympic.org/london-2012-summer-olympics>

Gold J., Gold M. (eds.) *Olympic Cities: City Agendas, Planning and the World's Games, 1986–2016*. N.Y.: Routledge, 2011.

Park R. *The Crowd and the Public, and Other Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.

Sachs W. *For Love of the Automobile: Looking Back in the History of Our Desires*. Berkeley: University of California Press, 1992.

Virilio P. *Grey Ecology*. N.Y.: Atropos, 2009.

**IV. КЛАССИКИ ЖАНРА.
ХРЕСТОМАТИЯ.
РЕФЕРАТИВНЫЕ ПЕРЕВОДЫ**

Рецензенты:

д.ф.н. профессор Ю.А. Красин
д.с.н. профессор В.В. Козловский

П 88 Публичная сфера: теория, методология, кейс стади:
коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и
П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социаль-
ной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. 360 с.
ISBN 978-5-903360-77-2

Коллективная монография подготовлена по итогам проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации» членами научно-учебной группы «Социология публичной сферы» при поддержке НИУ ВШЭ (грант №12-05-0012), а также с участием известных ученых, чьи работы формировали фундамент исследовательской программы. В теоретических главах определяются основные понятия исследования, кроме того, представлены работы, демонстрирующие возможности институционального подхода к исследованию политической публичной сферы, который дополняется перспективной, ставящей во главу угла инициативу и действие конкретных субъектов – гражданских журналистов и социологов. Приводятся примеры, которые могут использоваться в учебном процессе и разворачиваться в исследовательской практике, эмпирические исследования, посвященные политике репрезентаций, кейс стади переосмысления инвалидности в цифровой публичной сфере. Книга адресована студентам и преподавателям, а также исследователям, интересующимся социологией публичной сферы, СМИ и социального неравенства.

ISBN 978-5-903360-77-2

© Коллектив авторов, 2013
© ЦСПГИ, 2013
© ООО «Вариант», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Публичная сфера: программа исследования.....7
Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов

I. Публичная сфера: теоретические основания анализа

Публика: краткий очерк понятия..... 25
Елена Трубина

Теория коммуникативного действия:
ключевые категории и познавательный потенциал.....35
Ольга Вербилович

II. Публичная сфера: институты и акторы

Изменение институциональных условий производства
и конкуренции политических идей в России: от 1990-х к 2010-м....55
Ольга Малинова

Изучение публичной сферы
в перспективе социологического институционализма..... 75
Андрей Семенов

Публичная сфера. Заметки о мотивации
гражданских журналистов..... 91
Елена Иванова

«Сдвинуть глыбу»: опыт публичной социологии
в рамках университетского курса.....105
Искэндэр Ясавеев

III. Процессы публичной коммуникации

От художественного акционизма
к перформативной политике: искусство и публичная сфера
Альмира Усманова..... 125

«Добро пожаловать в Сергеичбург»: воображая пространства различий в российской цифровой публичной сфере..... 150
Кассандра Хартблей

Репрезентации неравенства и социальной политики в публичной сфере: на материалах контент-анализа прессы..... 165
Елена Ярская-Смирнова, Дарья Присяжнюк

Политика репрезентации людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере.....187
Валерия Маркина

Видимость репрезентаций предметной среды в коммуникативном процессе: аналитические следствия смещения угла зрения.....207
Наталья Иконникова

IV. Классики жанра. Хрестоматия. Реферативные переводы

Предисловие к публикации реферативного перевода Ю. Хабермаса..... 221
Татьяна Тягунова

Социоструктурная трансформация публичной сферы..... 226
Юрген Хабермас (реферативный перевод Татьяны Тягуновой)

Трансформация политической функции публичной сферы.....266
Юрген Хабермас (реферативный перевод Татьяны Тягуновой)

Теория и политика дихотомии публичное/приватное..... 309
Джеф Вайнтрауб (реферативный перевод Ларисы Шпаковской)

V. Приложение

Социология публичной сферы как учебная дисциплина. Пример рабочей программы..... 329

Информация об авторах.....355

PUBLIC SPHERE: THEORY, METHODOLOGY, CASE STUDIES

Edited by Elena Iarskaia-Smirnova and Pavel Romanov
Moscow: Variant: GSPGS, 2013.

TABLE OF CONTENTS

Public sphere: the research programme
Elena Iarskaia-Smirnova, Pavel Romanov.....7

I. Public sphere: theoretical grounds of analysis

Public: a short review of a concept.....25
Elena Trubina

Theory of communicative action:
key concepts and cognitive potential.....35
Olga Verbilovich

II. Public sphere: institutions and actors

Changes of institutional conditions of articulation
and competition of political ideas in Russia: from 1990s to 2010s..... 55
Olga Malinova

A study of public sphere
in the sociological institutionalism perspective..... 75
Andrei Semenov

Public sphere. Notes on motivation of civic journalists.....91
Elena Ivanova

„Move the boulder“: the experience of public sociology
in the university course.....105
Iskander Yasaveev

III. Processes of public communication

From artistic actionism to performative politics:
art and public sphere.....125
Almira Ousmanova